

5. Конституция Польши // <http://constitutions.ru/archives/182>

6. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. Монография / Б.И. Осминин. - М. : Волтерс Клувер, 2006. - 408 с.

7. Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутрисударственное право : [монография] / Б.И. Осминин. - М. : Инфотропик Медиа, 2010. - 400 с.

8. Мережко О.О. Проблемы теории международного публичного права та частного права / О. Мережко. - К. : Юстиниан, 2010. - 320 с.

9. Shaw M. Prawo miedzynarodowe. - Warszawa, 2000. - S. 101.

10. Венская конвенция о праве международных договоров // <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dp.nsf/0/B6644B07AA18813DC3257460003C00DF>

11. Черняева Д.В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право) : учебное пособие / Д.В. Черняева. - М. : КНОРУС, 2010. - 232 с.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРИЧИНЕННЫХ УБЫТКОВ КАК СЛЕДСТВИЕ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

Светлана ИВАНОВА,
соискатель

Научно-исследовательского института частного права
и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака
Национальной академии правовых наук Украины

Summary

The article presents arguments for the possible recognition of an independent nature of claims for compensation for damage in connection with the recognition of the transaction invalid. We prove that the damages due to the recognition of the transaction null and void shall take place according to the norms of contract law (contractual liability).

It is proved that the presentation of a claim for damages is the right of the person concerned, which is carried out in the presence of a suitable base (making and execution of invalid transactions) in its sole discretion. The exception to this rule, is enshrined in Art. 221, 226 CC of Ukraine special reference to the duty of the parents, adoptive parents and guardians to bring relevant claims. From the point of view of the method of choice for addressing violations of human rights that is their right, but the implementation of the protection itself is the responsibility of parents, adoptive parents and guardians of a minor or incapacitated person.

Key words: competence, the invalidity of the transaction, protection method, damages, the legal effects of the recognition of the transaction null and void, damages, contractual liability.

Аннотация

В статье приведены аргументы в пользу возможности признания самостоятельного характера требований о возмещении причиненного ущерба в связи с признанием сделки недействительной. Доказано, что возмещение ущерба в связи с признанием сделки недействительной должно происходить по нормам договорного права (договорной ответственности).

Обосновано, что предъявление требования о возмещении убытков является правом заинтересованного лица, которое осуществляется при наличии соответствующего основания (совершение и исполнение недействительной сделки) по ее усмотрению. Исключением из указанного правила является закрепленная в ст. 221, 226 ГК Украины специальное указание на обязанность родителей, усыновителей и опекунов предъявить соответствующие иски. С точки зрения выбора способа защиты нарушенных прав, это их право, но осуществление самой защиты является обязанностью родителей, усыновителей и опекунов малолетнего или недееспособного лица.

Ключевые слова: сделка, недействительность сделки, способ защиты, возмещение убытков, правовые последствия признания сделки недействительной, убытки, договорная ответственность.

Постановка проблемы. Анализируя вопросы, связанные с применением такого последствия признания сделки недействительной как возмещения нанесенного ущерба, прежде всего следует подчеркнуть, что совершение недействительной сделки может повлечь за собой не только необходимость возврата к предыдущему состоянию субъективных прав и обязанностей, но и необходимость возместить причиненные совершением недействительной сделки убытки. Возвращение сторонами всего полученного по недействительной сделке не всегда равнозначно восстановлению их

в прежнем состоянии [1, с. 58–59]. Это вопросы гражданско-правовой ответственности сторон недействительной сделки друг перед другом и третьими лицами.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью раскрытости темы – в настоящее время практически нет ни одной фундаментальной работы по проблемам признания недействительной сделки как способа защиты гражданских прав и интересов, а также соотношении убытков как последствия признания сделки недействительной с реституцией, виндикацией, кондицией.

Состояние исследования. Теоретическая сложность и чрезвычайное практическое значение проблемы приводят к тому, что вопрос возмещения причиненных убытков как следствие признания сделки недействительной находили свое место в исследованиях А. В. Дзери, А. А. Кота, Н. С. Кузнецовой, В. В. Луця, Я. М. Романюка и др., которые служили фундаментальной базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов.

Целью и задачей статьи является формирование теоретических положений, направленных на совершенствование механизма возмещения причиненных убытков как следствие признания сделки недействительной, а также соотношение убытков, как последствий признания сделки недействительной, с реституцией и виндикацией.

Изложение основного материала.

Гражданско-правовая ответственность в случае совершения недействительной сделки предусмотрена ч. 2 ст. 216 ГК Украины, а именно: если в связи с совершением недействительной сделки второй стороне или третьему лицу нанесен ущерб или моральный вред, они подлежат возмещению виновной стороной. Эта норма устанавливает общие основания гражданско-правовой ответственности как правовое последствие недействительности сделки. Специальными основаниями такой ответственности следует считать составные недействительности сделок и обстоятельства, указывающие на виновное поведение лица, предусмотренные ст. 221, 225, 226, 229–233 ГК Украины. Относительно возмещения ущерба стороне сделки – несовершеннолетнему, и других случаев возмещения вреда, нет необходимости применять аналогию закона, ведь ст. 216 ГК, как общее следствие, предполагает возмещение и убытков, и морального вреда.

В связи с совершением сделки и признания ее недействительной в имущественной сфере сторон могут возникнуть основания для возмещения убытков. В юридической литературе неоднократно анализировался вопрос о характере возмещения ущерба, причиненного совершением недействительной сделки [2, с. 37–38], а именно: можно считать требования о возмещении убытков самостоятельным видом требований или они могут реализовываться

только в связи с обязанностью осуществить реституцию? По нашему мнению, правильнее говорить о самостоятельном характере этих видов требований и поддержать концепцию относительно различной правовой природы и назначения восстановления положения, существовавшего до нарушения права и возмещения убытков, и других способов возмещения имущественного вреда. Так, в частности Р. А. Стефанчук отмечает, что восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и связанные с этим способы (в частности, признание сделки недействительной) относятся к так называемым восстановительным способам защиты личных неимущественных прав. Тогда как возмещение убытков и компенсация морального вреда является компенсационным способом защиты гражданских прав и интересов [3, с. 17–18].

На самостоятельный характер иска о возмещении убытков указывает его отдельный предмет. В процессуальном аспекте реституционный иск будет иметь одно основание (совершение и исполнение недействительной сделки), но два разных предмета: основной (требование о возврате исполненного по сделке) и факультативный (требование к виновной стороне о возмещении реального ущерба) [4, с. 166]. Таким образом, предъявление требования о возмещении убытков (так же, как и о возмещении морального вреда) является правом заинтересованного лица, которое осуществляется при наличии соответствующего основания (совершение и исполнение недействительной сделки), по ее усмотрению. Исключением из указанного правила есть специальное указание в ст. 221–226 ГК Украины на обязанность родителей, усыновителей и опекунов предъявить соответствующие иски. С точки зрения выбора способа защиты нарушенных прав, это их право, но осуществление самой защиты является обязанностью родителей, усыновителей и опекунов малолетнего или недееспособного лица. Относительно всех других составных недействительности сделки, предъявления таких требований – это право заинтересованных лиц.

На основании ч. 1 ст. 216, ч. 1 ст. 236 ГК Украины сделка признается недействительной с обратной силой во

времени (с момента совершения сделки) и никаких других последствий, кроме последствий, связанных с ее недействительностью, не влечёт. Имеются в виду именно расходы, связанные с выполнением сделки, которая не должна была выполняться (например, расходы по перевозке, хранению имущества). Отсюда возникает вопрос следующего характера: возмещаются только реальный ущерб и упущенная выгода, причиненная в связи с признанием сделки недействительной, или возмещаются убытки, причиненные самим совершением недействительной сделки?

Ответ на этот вопрос можно получить, только установив правовую природу возмещения убытков, причиненных в связи с совершением недействительной сделки. В связи с этим можно говорить о двух основных подходах к решению проблемы правовой природы возмещения убытков, причиненных в связи с совершением недействительной сделки. Фундаментальный вопрос, возникающий относительно правовой природы возмещения убытков в связи с признанием сделки недействительной: возмещение должно происходить по нормам договорного права (договорной ответственности) или деликтной ответственности?

О. С. Иоффе считал, что такая ответственность носит договорной характер. То есть – это ответственность за совершение противозаконного договора (сделки), причем возмещение убытков потерпевшему контрагенту происходит по правилам договорного права [5, с. 72–73]. Правда, некоторые сомнения вызывает толкование ответственности за нанесенный ущерб в связи с признанием сделки недействительной, предложенные О. С. Иоффе в другом, более позднем его труде. Сам факт недействительности заключенной сделки может нанести определенный ущерб кому-либо из его участников. Без сомнения, если тот же участник сделки является виновником ее недействительности, он ни на какое возмещение понесенных убытков претендовать не вправе. Поэтому обязанность по возмещению убытков устанавливает уже не для любых, а лишь для таких недействительных сделок, один из участников которого является потерпевшим, а другой – виновником их недействительности [6, с. 319]. В указанном тру-

де ничего не говорится о договорном характере ответственности и вообще не определяется правовая природа возмещения убытков, причиненных в связи с совершением недействительной сделки, что позволяет предположить некоторые изменения во взглядах ученого относительно характера ответственности сторон сделки, признанной недействительной.

И. Б. Новицкий также рассматривает возмещение убытков, причиненных в связи с признанием сделки недействительной, как обязанность, вытекающую из неисполнения договора [7, с. 245]. Так же, как П. Д. Каминская, поддерживая позицию О. С. Иоффе, указывает, что характерной чертой такой ответственности является то, что она возникает по воле лиц, это и отличает ее от деликтной ответственности [8, с. 76]. Несогласие с такими соображениями на страницах юридической литературы выразила Н. В. Рабинович, по мнению которой ответственность по недействительной сделке наступает не в связи с заключением договора, а в связи с признанием его недействительным, то есть не по воле сторон, а вопреки их воле, поскольку воля участников сделки, во всяком случае виновной его стороны, направлена на реализацию неправомерного договора, а не на его аннулирование. При этом размер ответственности определяется не содержанием договора, а убытками понесенными из-за юридической невозможности исполнения договора [9, с. 157].

Не соглашаясь с Н. В. Рабинович в той части ее аргументации, в которой она отрицает реальное бытие недействительной сделки (известное отрицание значения юридического факта по недействительной сделке), следует обратить внимание, что вопрос о возмещении убытков, причиненных в связи с совершением недействительной сделки, возникает тогда, когда сделка признана недействительной, прекратила свое существование. Однако признание недействительной сделки возможно не только в юридической форме, то есть в судебном порядке, но и в рамках института отказа от сделки, на основании договоренности сторон (ст. 214 ГК). Поэтому стороны могут урегулировать вопрос возмещения убытков, причиненных в связи с совершением

недействительной сделки, путем договоренности между собой. Такая ответственность, несомненно, будет носить договорной характер, что будет оговариваться не значением сделки (договора), признанного сторонами недействительной, а достижением соответствующей договоренности о признании сделки (договора) недействительной и установление, наряду с возможными другими последствиями, признания сделки недействительной в порядке возмещения ущерба, причиненного в связи с совершением недействительной сделки. Это объясняется возможностью существования охранительных правоотношений и в пределах договорного права.

Договорная ответственность может иметь место также при признании недействительной сделки, совершенной в результате злостного соглашения представителя одной стороны с другой стороной (ст. 232 ГК), или если представитель выйдет за пределы своих полномочий и сделка, заключенная им, будет признана недействительной полностью или в отдельной ее части. Названные случаи признания недействительными сделок, совершенных представителем, будут иметь различные правовые последствия относительно распределения убытков, нанесенных признанием такой сделки недействительной. Если сделка признается недействительной в связи с тем, что представитель вышел за пределы своих полномочий, ответственность за убытки, возникшие вследствие этого, должен нести, в первую очередь, представитель. Относительно доверителя – эта ответственность договорная, относительно второй стороны сделки – эта ответственность будет характеризоваться как внедоговорная [9, с. 166]. По нашему мнению, последствия совершения сделки с превышением полномочий, если не произошло последующего одобрения сделки лицом, которое представляет представитель, применяются в порядке, предусмотренном ст. 216 ГК Украины. Если представитель намеренно ввел в заблуждение другую сторону (то есть она действовала добросовестно) относительно объема и содержания своих полномочий, то он будет отвечать перед таким лицом за совершение деликта, т. е. должны

применяться нормы ст. 1166–1167 ГК Украины.

Если контрагент в сделке, совершенной представителем, действовал недобросовестно, то есть имела место злостная договоренность представителя одной стороны с другой стороной (ст. 232 ГК), представитель и другая сторона будут нести солидарную ответственность перед доверителем. Солидарная обязанность возместить вред представителем и другой стороной объясняется тем, что ущерб был нанесен совместными действиями и является неделимым. Однако в этом случае целесообразно говорить не о невыполнении условий договора, а о совершении правонарушения как представителем, так и другой стороной сделки.

Взыскание убытков (при наличии необходимых для этого предпосылок), так же, как и все другие последствия признания сделки недействительной, основывается на том, что сделка признается неправомерной. Исходя из этого, Н. В. Рабинович утверждает, что ответственность по недействительной сделке – это деликтная ответственность. Причем отмечается, что условиями такой ответственности является неправомерный характер деятельности лица, вина лица и нанесения ее действиями убытков [9, с. 157–158].

Однако такие выводы исследовательницы не являются бесспорными. Так, не во всех случаях совершения недействительной сделки, которой наносится ущерб, имеет место вина лица в совершении недействительной сделки. Например, дееспособное лицо совершает сделку в состоянии, когда оно не осознавало значение своих действий и (или) не могло руководить ими. Этот вопрос связан с решением проблемы, опять же, правовой природы ответственности лица за убытки, причиненные совершением сделки, которая была признана недействительной. И касается она как ничтожных, так и оспариваемых сделок, ведь без признания сделки недействительной невозможно решать вопрос о возмещении причиненного ущерба и морального вреда.

По нашему мнению, несмотря на то, что в ч. 2 ст. 216 ГК Украины указано, что убытки и моральный вред возмещаются виновной стороной, однозначно квалифицировать такую ответственность как деликтную нет основа-

ний, ведь не каждая недействительная сделка является правонарушением. Примером может быть совершение сделки предусмотренной ст. 229 ГК Украины (сделка совершена под влиянием заблуждения). Поэтому Н. В. Рабинович предлагает считать действия, совершенные стороной недействительной сделки, неправомерными в широком смысле этого слова [9, с. 158].

Рассуждения такого порядка позволяют ставить вопрос об особом характере ответственности за ущерб, нанесенный совершением недействительной сделки. Так, Ф. С. Хейфец считал ответственность в форме возмещения убытков близкой к деликтной ответственности, но все же не деликтной, поскольку, во-первых, недействительная сделка является не деликтным правонарушением, во-вторых, в результате деликта вред может быть нанесен не только имуществу, но и личности, чего не может быть при признании сделки недействительной, в-третьих, при деликтной ответственности возмещаются не только расходы, утрата или повреждение имущества, но и упущенная выгода, в то время как по недействительной сделке упущенная выгода не возмещается; в-четвертых, деликт всегда наносит вред личности или имуществу, а признание сделки недействительной не всегда влечет за собой вред [10, с. 139].

Однако и с этими аргументами можно согласиться лишь частично. Как уже отмечалось, не все сделки признаны недействительными являются гражданскими правонарушениями, что не исключает возмещения вреда, причиненного именно сделкой такого типа (например, сделка совершена под влиянием заблуждения, сделка, совершенная несовершеннолетним лицом за пределами его гражданской дееспособности и т.д.). Возмещение только реального ущерба, предусмотренного ГК, является лишь примером частного случая того или иного правового регулирования, что никак не связано с правовой природой ответственности за ущерб, причиненный совершением недействительной сделки. Поэтому мы солидаризируемся с точкой зрения Н. В. Рабинович, но с оговорками о том, что не каждая сделка признана недействительной, будет правонарушением. Зато аргументы Ф. С. Хейфеца, скорее,

указывают на определенные особенности деликтной ответственности за вред, причиненный совершением недействительной сделки, нежели опровергают такую ее природу. Поэтому можно считать, что ответственность за ущерб, нанесенный совершением недействительной сделки, – это применение норм о деликтной ответственности с учетом особенностей оснований такой ответственности (недействительная сделка).

В юридической литературе наибольшее распространение получила точка зрения на возмещение убытков в связи с совершением недействительной сделки как на особый вид деликтной ответственности. Так, например, А. В. Гутников указывает, что возмещение убытков и морального вреда в связи с совершением недействительной сделки имеет деликтную природу и является средством гражданско-правовой ответственности, санкцией за совершенное правонарушение. Далее исследователь делает оговорку о том, что санкция в предусмотренных законом случаях применяется не как следствие одного лишь совершения недействительной сделки и неправомерного поведения виновной стороны, но обязательно – как следствие выполнения соответствующей сделки хотя бы одной из сторон и как факультативное требование к реституционному требованию о восстановлении предыдущего имущественного положения [4, с. 167].

Эти требования являются составными частями иска о применении последствий недействительности сделки, но в отличие от реституционных требований, которые имеют основанием лишь факт признания сделки недействительной и выполнение его условий хотя бы одной из сторон, возмещение убытков осуществляется только при наличии убытков и при условии вины лица. Реституция же применяется независимо от вины лица, независимо от нанесенного ущерба и без решения вопроса о природе тех действий, которые совершаются в виде недействительной сделки. Поэтому применение реституции не является мерой гражданско-правовой ответственности и не является санкцией гражданского права.

Положениями ст. 230 и ст. 231 ГК Украины предусмотрена обязанность возмещения лицом – стороной сделки,

которая применила обман, насилие, психическое или физическое давление на другую сторону, – убытков в двойном размере. Возмещение убытков в двойном размере – это «карательное» влияние, которое существует наряду с двусторонней реституцией, возвратом бесосновательно приобретенного или сохраненного имущества, доходов от такого имущества и расходов на его содержание, процентов за бесосновательное получения или сохранения денег или независимо от них. Требования о возмещении убытков в двойном размере могут удовлетворяться вследствие предъявления гражданского иска в уголовном процессе. Следует отметить, что этот законодательный подход подвергся критике в юридической периодике, а именно обращается внимание на определенную нелогичность позиции законодателя ввиду того, что, предусматривая в ст. 230, 231 ГК Украины возмещение убытков в двойном размере по недействительным сделкам, совершенным под влиянием обмана и насилия, законодатель не предусматривает такое же правило в отношении других недействительных сделок, в которых также одна из сторон действовала неправомерно (ст. 225, ч. 4 ст. 226, ст. 227, 232, 233 ГК) [2, с. 39].

Выводы. Ответственность за убытки, причиненные совершением недействительной сделки, – это применение норм о деликтной ответственности с учетом особых оснований такой ответственности (недействительная сделка). Наибольшее распространение получила точка зрения на возмещение убытков, в связи с совершением недействительной сделки, как на особый вид деликтной ответственности.

Список использованной литературы:

1. Иоффе О. С. Гражданско-правовая охрана интересов личности [Текст] / О. С. Иоффе // Советское государство и право. – 1956. – № 2. – С. 58 – 59.
2. Подколзин И. Общие принципы возмещения убытков по гражданскому законодательству Украины [Текст] / И. Подколзин // Юридическая Украина. – № 12. – 2007. – С. 37–38, 39.
3. Стефанчук Р. А. Личные неимущественные права физических лиц в гражданском праве [Текст]: автореф.

дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Р. А. Стефанчук. – М., 2007. – С. 17 – 18.

4. Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания [Текст] / О. В. Гутников. – М.: Книжный мир. 2005. – С. 166, 167.

5. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву [Текст] // О. С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 72 – 73.

6. Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право [Текст] // О. С. Иоффе. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 319.

7. Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 1 [Текст] / И. Б. Новицкий. – М.: Статут, 2006. – С. 245.

8. Каминская П. Д. Основания ответственности по договорным обязательствам [Текст] / П. Д. Каминская // Вопросы гражданского права. Сборник статей. – Изд-во Моск. ун-та, 1957. – С. 76.

9. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия [Текст] // Н. В. Рабинович. – Л.: изд-во ЛГУ, 1960. – С. 157, 158, 166.

10. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. Изд. 2-е, доп. [Текст] / Ф. С. Хейфец. – М.: Юрайт-М, 2001. – С. 139.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛИЗМА И НАРКОМАНИИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ МАРГИНАЛОВ

Алла ЙОСЫПИВ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминального права и криминологии
Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

The article discusses the relationship of abuse of alcohol, drugs and crime for abuse of funds for those leading a marginal way of life. It is proved that in the development of alcoholism and drug dependence are important three groups of factors: by the social, psychological and biological (individual).

It is proved that under the influence of long-term alcohol abuse is disruptive to the normal formation of the individual, greatly limited the possibility of mastering the necessary human knowledge, the foundations of culture, social norms and behavior skills constrained manifestation and revelation of human abilities, which in turn can lead to crime.

Key words: alcoholism, drug addiction, crime, abuse, marginal.

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь злоупотребления алкоголя, наркотических и токсикоманических средств на преступность лиц, ведущих маргинальный способ жизни. Обосновано, что в развитии алкоголизма и наркотической зависимости важную роль играют 3 группы факторов: социальные, психологические и биологические (индивидуальные).

Доказывается, что под воздействием длительного злоупотребления алкоголем нарушается процесс нормального формирования личности, существенно ограничиваются возможности усвоения необходимых человеческих знаний, основ культуры, социальных норм и навыков поведения, сдерживается проявление и раскрытие человеческих способностей, что, в свою очередь, может привести к совершению преступлений.

Ключевые слова: алкоголизм, наркомания, преступность, злоупотребление, маргиналы.

Постановка проблемы. Криминологическое изучение пьянства, алкоголизма и наркотической зависимости как социально-негативного поведения обусловлено внутренней логикой социологии преступности, предусматривающей переход от изучения социальных фактов на предельных уровнях обобщения к более конкретному исследованию криминогенных структур непосредственной жизни индивидов. «Для этого, – писал А.Б. Сахаров, – необходимо «заглянуть» в сущность соответствующих видов непроступного отклоняющегося поведения, выявить их причины и условия (причины причин преступности), воздействуя на которые только и можно действительно повлиять на, связь подобных явлений с преступностью, пресечь или уменьшить их криминогенную роль» [1, с. 31].

Актуальность темы исследования. Пьянство, алкоголизм и наркомания остаются в Украине очень сложной проблемой. По данным Госкомстата, количество больных алкоголизмом и алкогольным психозом, которые находятся на учете в медицинских учреждениях Украины на конец года, в 2005 году составляло 650177 лиц (на 100 000 населения – 1390,80), в 2007 году – 636592 лиц (на 100 000 населения – 1378,1), в 2009 году – 618840 лиц (на 100 000 населения – 1351,7), и в 2011 году – 597789 лиц (на 100 000 населения – 1315,2).

Состояние исследования. В этом направлении работали Ю.В. Александров, Ю.В. Баулин, Т.А. Богомолова, А.А. Габани, В.О. Глушков, А.М. Джуца, А.П. Закалюк, А.Ф. Зелинский, М.Й. Коржанский, И.П. Лановенко, В.Г. Лы-